

林京子 (1930-2017)
トリニティからトリニティへ

Кёко Хаяси (1930-2017)
От Тринити до Тринити

Проверив по списку номера новогодних открыток, на которых выпали премии, самый младший член нашей семьи сообщил мне, что я выиграла три блока почтовых марок, и отдал мне поздравления. Одна из открыток была от Руи. Я перечитала ее еще раз: «Весной я уйду с работы в больницу по выслуге лет. Буду наслаждаться послеобеденным чаем второй половины жизни». «Браво! – сказала я себе. - Теперь я знаю твой возраст!» Эти же слова я произнесла и в тот раз, когда впервые прочитала открытку в первый день Нового года.

Мы были знакомы почти тридцать лет, но я никогда не знала, сколько ей лет. Когда я спрашивала, какого она года, когда у нее день рождения, то Руи со смехом уходила от вопроса: «Я очень-очень хочу вырасти и стать такой же, как ты, моя старшая сестрица!»

Еще одна поздравительная открытка с надписью «С Новым тысячелетием!» пришла из бутика в Камакура. Третья открытка была от доктора S., хибакуса, который пострадал от атомной бомбардировки Хиросимы, когда служил там военным врачом.

На открытке было напечатано следующее:

«С тех пор, как мне подарили жизнь в этом мире, прошло уже 83 года. Я пережил бурные годы Тайсё и Сёва.¹ И если бы меня спросили: «Что ты сделал

в своей жизни?», то я бы ответил: «Я в меру своих скромных сил делал всё, чтобы быть доктором, который стоит на стороне страждущих». Будучи хибакуся, я объехал множество мест в нашей стране и за рубежом, призывая покончить с ядерным оружием. Я поступал так из долга перед теми, кто в полной мере испил чашу мучений в геенне огненной... Сегодня, когда силы мои на исходе, я понял, сколь круты становятся к восьмидесяти годам склоны жизни.

Между тем сверхдержавы по-прежнему владеют ядерным оружием и ведут себя так, будто являются хозяевами мира. Пока дела обстоят так, я, доколе жив, буду непрерывно рассказывать молодому поколению об атомной бомбардировке.

Поздравляю Вас с Новым годом и покорнейше прошу протянуть мне руку помощи и наставить на путь истинный.

1 января 2000 г. по европейскому календарю».

Это поздравление вернуло меня к действительности из мира грез, в котором я пребывала после чтения открытки от Руи. В послании доктора S. я действительно почувствовала затрудненное дыхание человека, взбравшегося по крутому склону жизни, и поняла, что я тоже стою на пороге семидесятилетия. Такова реальность для тех, пережил атомные

бомбардировки 6 и 9 августа: сегодня хобакуся на своих слабеющих ногах неотвратно движутся к смерти. Когда-то, в середине своей жизни, я говорила, что буду жить до тех пор, пока не стану темой выпуска новостей, который будет начинаться словами: «Сегодня скончалась последняя жертва атомной бомбардировки». Однако неожиданно оказалось, что это желание неимоверно трудно выполнить.

С весны прошлого года в мире поднялась волна беспокойства по поводу компьютерной проблемы 2000 года. Под воздействием слухов я накупила воды и лапши быстрого приготовления, после чего со спокойным сердцем решила, что я готова жить в XXI столетии.

Говорят, что 2000 год принадлежит уже XXI веку. Если это так, то я должна как-то по-особому встретить нынешнее 9 августа – последнее в XX веке, который уходит, волоча за собой полы одежды, пропитанной пороховым дымом. Я начала выписывать на листочке все, что мне удалось сделать в уходящем году, а также то, что осталось несделанным... Похоже, весь следующий год я буду очень занята.

Впрочем, как оказалось, я ошиблась. «2000 год – это пока еще XX век», - просветил меня младший член нашей семьи. На секунду я остановилась: впечатавшуюся в память дату оказалось довольно трудно стереть. В конце концов пришлось сказать себе: «Что ж, значит, я была неправа» и продолжить составление планов.

Первое, что пришло мне в голову, это совершить паломничество. Когда-то мы

с Кана условились, что в год ее 60-летия обязательно отправимся с ней вдвоем обходить храмы.² Но на самом деле такое паломничество я начала уже летом 1998 года...

Мы с Кана учились в одном классе женской средней школы. Обе были мобилизованы на работы и обе попали под атомную бомбардировку на оружейном заводе компании Мицубиси, который оказался в 1.4 км от эпицентра взрыва.

Как известно, первой целью удара по Нагасаки были верфи Мицубиси, второй – завод этой компании, на который мы и были мобилизованы. В тот день небо над городом было затянуто густой пеленой облаков, поэтому из «Машины Бока»³ не сумели разглядеть верфи. Но тут через просвет в облаках стали видны очертания оружейного завода – на него и сбросили атомную бомбу. Кана, которая работала на другом участке, была тяжело ранена упавшей ей на голову стальной конструкцией. Она достала из аптечки скорой помощи пузырек со спиртом и протерла им рану, от чего кровь пошла сильнее и стала заливать ей глаза и рот. «Я закрыла рану рукой, - рассказывала потом Кана, - и побежала оттуда»...

С тех пор каждый год с приближением 9 августа Кана скрывалась на одном из южных островов в своем окруженном камелиями домике и закрывала в нем все ставни. Эта история повторялась ежегодно, так что скоро мы стали просто ожидать того осеннего дня, когда к ней должно вернуться обычное расположение духа. Но в тот год Кана неожиданно исчезла в январе. Исчезла, не сказав никому, куда она отправилась.

До меня дошли слухи, что Кана больна, но где ее искать – по-прежнему оставалось неясным. В конце концов, помня наш уговор, я решила совершить паломничество самостоятельно. Сначала я хотела обойти 88 храмов на острове Сикоку, но оказалось, что я уже не столь уверена в своих силах (хотя и не достигла еще возраста доктора S.), чтобы ходить по горным дорогам Сикоку, многие из которых очень круты. В результате я умерила свои аппетиты и решила совершить паломничество по 33 храмам богини Канон, расположенным на том полуострове, где я живу. Я положила в рюкзак салфетку, которую подарила мне Кана на церемонии присвоения ей артистического имени, и отправилась в путь вдоль побережья, проставляя в каждом храме печати.

Покрытая красными печатями 33 храмов салфетка сейчас хранится у меня на домашнем алтаре. Прошло лето; жирная штемпельная краска въелась в белую ткань и начала издавать запах сырости. Я подумала, что нужно было бы отдать хозяйке салфетку прежде, чем на ней выступит плесень, но где она, эта Кана? Этого я по-прежнему не знала.

И в конце концов я прекратила ее поиски...

Многие из полученных мной в этом году открыток содержали намеки на то, что в этом мире наше общение прекращается. «Мне уже за семьдесят, и наверное, это мое последнее новогоднее поздравление», - читала я. Видимо, следующие поздравления приберегались уже для того света...

Оставалось и еще одно дело, которое нужно было уладить: поездка в Тринити. «Тринити», или «площадка Тринити» - это кодовое название в Манхэттенском проекте того места, где Соединенные Штаты Америки провели первое на Земле испытание атомного оружия, первый ядерный взрыв. В то время в мире было всего три атомных бомбы, и все они были американскими. Одну из них, урановую, сбросили на Хиросиму. Две прочие бомбы были плутониевыми; одну использовали для испытания ядерного оружия, а другой – ударили по Нагасаки.

Когда я сказала Руи, что еду в Тринити, она дерзко спросила:

- У тебя что, атомная мания?

- Похоже на то, - с натужной улыбкой ответила я.

А сама подумала о том, что я все время, и сейчас тоже, пытаюсь порвать с 9 августа. Однажды утром, проснувшись, я увидела, что во сне у меня закровоточили десны, а слюна стала розовой. И тогда желание покончить с прошлым вспыхнуло снова...

Первый раз я побывала в США в 1985 году - мой сын Кэй тогда работал там три года по контракту. Кэй, который в смысле знания американской жизни шел на шаг впереди своей матери, встретил меня и повез на машине по хайвэю, идущему вдоль реки Потомак. Был июнь; кизилловые деревья уже отцвели, и теперь блестела на солнце молодая листва американского плюща. Вниз по рыжей воде реки Потомак скользила

узкая длинная лодка – наверное, шла подготовка к регате. С окружавших нас высоких кленов то и дело срывались семена, которые опускались на речную гладь, трепеща и сверкая на солнце своими серебряными крылышками.

В небе, на дороге перед идущей машиной, - всюду шла эта безумная пляска серебристокрылых...

Именно тогда ко мне пришла эта мысль, пришла совершенно неожиданно. Я подумала, что если продолжать наматывать на колеса эту дорогу, то рано или поздно можно добраться до того места, где испытывали атомную бомбу...

Перед отъездом из Японии я получила письмо от господина I., который когда-то преподавал в N-ской женской средней школе. Письмо было полно упреков: «Америка – это страна, которая сбросила на нас атомные бомбы, а ты – хибакуся. Ты что, забыла об этом?»

После того, что случилось 9 августа, этот учитель своими руками сжег на школьном дворе тела множества своих учениц, которые погибли при взрыве атомной бомбы. Среди них были и те, у кого родители тоже погибли во время взрыва, и ученицы, за телами которых никто не пришел... Случалось и так, что I. ждал учениц у ворот школы, а те приходили и падали на руки учителя.

С тех пор на ладонях учителя так и осталась вся горечь, вся скорбь об ученицах.

Конечно, я тоже, покуда живу, никогда не смогу забыть того 9 августа. Но если

в человеке продолжает жить злоба, то он жаждет отмщения...

Тогда я ответила I., что хочу просто съездить посмотреть, как живут американцы. Сказала – и велела себе не думать ни о чем ином. Сейчас же, когда мы ехали по бесконечной белой дороге, меня вдруг поразила мысль о том, что здесь, на этой земле, находится место, в котором испытывали атомную бомбу! Всё, решено: я должна быть там!

Однажды, когда до окончания моей поездки оставалось совсем немного времени, я попросила сына свозить меня на площадку Тринити.

- Что? - изумился Кэй. – Зачем это тебе?

Кэй считался хибакуся во втором поколении, но за всю его жизнь мы с ним никогда в подробностях не говорили ни об атомной бомбе, ни о связанных с нею болезнях. Однажды, еще студентом, Кэй сказал: «Хуже всего быть бессрочно приговоренным к смертной казни». Было это, когда он услышал в новостях о том, что два брата, хибакуся во втором поколении из Хиросимы, умерли один за другим от лейкемии. Так что я чувствовала себя в долгу перед сыном, а он старался держаться подальше от всего, что связано с 9 августа.

Итак, я вернулась в Японию, не исполнив своего желания, но и не отказавшись от него. Ведь Тринити – это отправная точка моего 9 августа. Но ведь для меня как для хибакуся это ведь и конечная точка! Так что – от Тринити до Тринити...

Если я проеду по этому кругу, то по пути соберу все, что связано в моей жизни с

9 августа... То есть проглочу все, что до сих пор не удавалось оборвать. И так, осенью 1999 года я решила побывать в Тринити.

Я попросила сопровождать меня в этой поездке свою знакомую Цукико, которая живет в штате Техас. Цукико легко согласилась и сказала, что я буду заменять ей Кана. Они с Кана дружили с детства, хотя Цукико была на два года старше. Во время войны Цукико эвакуировали из Нагасаки в Симабара, так что под бомбу она не попала. Примерно в 1955 году Цукико уехала в Техас учиться в университете и там вышла замуж за своего одноклассника, который после демобилизации работал на ферме. У них было четверо детей - все мальчики. Познакомились мы благодаря Кана, а виделись последний раз, если я не ошибаюсь, лет тридцать тому назад...

Для того чтобы добраться до Тринити, проще всего долететь из токийского аэропорта Нарита прямым рейсом до Хьюстона, штат Техас, а там сделать пересадку на рейс до Альбукерке, штат Нью-Мексико. Город Альбукерке и был выбран моим опорным пунктом для дальнейших поездок. Мы договорились встретиться с Цукико в аэропорту Хьюстона. Я прилетела в Хьюстон в хвосте самолета компании «Континентал». Когда я спросила Цукико, как мы найдем друг друга в аэропорту, она ответила: «Ищи японскую тетку!» Мы действительно не потерялись, встретились, обнялись и отправились в Альбукерке. Цукико работала менеджером в местной компании по производству пищевых

продуктов – наверное, поэтому талия у нее стала вдвое шире, чем в молодости. На руке у Цукико виднелось колечко с крохотным бриллиантом.

Штат Нью-Мексико, в котором находится Тринити, известен также тем, что здесь закончила свои дни американская художница Джорджия О'Киф.⁴ Она любила горы и прерии Нью-Мексико и жила на знаменитом зимнем курорте Санта Фе. О'Киф покинула этот мир в возрасте 99 лет, то есть прожила почти целый век. Почти столетие провела с нами эта женщина-художник - всегда активная, всегда занятая. Согласно последней воле О'Киф, ее прах был рассеян на возвышенностях Нью-Мексико – ровно там, где мы сейчас проезжали на машине. Я помнила, что моя цель – Тринити, но вместе с тем тихо радовалась, что вижу землю, на которой слились воедино жизнь и смерть Джорджии О'Киф...

30 сентября, на следующий день после прибытия в Альбукерке, мы отправились по красным землям Нью-Мексико в город Санта Фе. Машину вела Цукико. Она добавила этот город в нашу программу ради своего мужа, который больше интересовался Санта Фе, чем Тринити.

Минут через пятьдесят после того, как мы выехали из отеля, я обратила внимание на дорожный знак, который указывал направление к военно-воздушной базе. Похоже, именно на этой базе и находился Национальный атомный музей.

- Давай посмотрим? – предложила Цукико. Она пристроилась за впереди

идущей машиной и попыталась проехать через ворота. Из застекленной будки охраны чернокожий человек в военной форме помахал нам рукой, приказывая остановиться. Как оказалось, для того, чтобы проехать на территорию базы на своей машине, нужно было получать особое разрешение. Обычные посетители музея должны были оставлять свои машины у ворот на стоянке и пересаживаться на ходившие по территории базы специальные автобусы. Мы с Цукико пересели в микроавтобус. За рулем оказался веселый рыжеволосый водитель, который всю дорогу что-то насвистывал. Минут через двадцать, миновав множество перекрестков, которые делили территорию базы на военные и гражданские участки, мы, наконец, добрались до музея. Музей находился в обычном здании – более скромном, чем я себе представляла. Мы записали наши фамилии и гражданство и вошли внутрь.

Сразу за входом в зале сидело на стульях несколько мужчин. Света в зале не было - похоже, они смотрели слайды. Я попыталась войти внутрь. Стоявшая у входа женщина покачала головой и показала мне в глубь коридора. «Не входите, тут встреча», - добавила она. Я прошла по коридору, на который указала мне служительница, и оказалась в широком, без всяких перегородок, зале. В ближайшем ко мне углу продавали футболки с изображением атомного гриба – там был сувенирный киоск. Побродив среди сувениров, я заметила в одной корзинке брошки. Среди звездно-полосатых флажков, двуглавых орлов и прочего встречались брошки, изображавшие «Толстяка» - ту самую атомную бомбу, которая была сброшена на Нагасаки. Пухлый

«Толстяк» напоминал золотую рыбку, желтое тельце которой было обрамлено золотом. Та часть, где у настоящей рыбки находится брюшной плавник, была замазана черным, а сверху на ней золотыми буквами было вырезано – «FAT MAN». ⁵ Настоящий FAT MAN представлял собой огромную бомбу диаметром 1,5 метра, длиной 3,25 м и весом 4,5 тонны. Брошка сильно напоминала ее точную модель в масштабе 1:100.

Крохотные трехсантиметровые брошки по-своему передавали тяжесть реального «Толстяка». Я взяла одну из них и некоторое время ее рассматривала. Мне очень хотелось купить ее на память. Но ведь прародителем этой вещицы была атомная бомба, сброшенная на Нагасаки...

Увидев, что я колеблюсь, молодой белый человек, отсчитывавший сдачу седоволосой женщине, сказал мне:

- Желтый цвет хорошо подойдет к Вашему белому свитеру.

- Спасибо, - с поклоном ответила я и отвернулась, чтобы продолжить осмотр киоска...

С самого появления в музее меня не оставляло чувство, что за мной кто-то наблюдает.

Весь магазин, разделенный на отсеки стендами и деревянными полками, был уставлен открытками и украшениями в виде гербов UNITED STATES AIRFORCE.⁶ Среди сувениров бродило несколько белых посетителей, но никто из них на меня не смотрел. Заплатив молодому

человеку за брошь, я перешла к следующему отделу. В центре его стояла стеклянная витрина с истрепанными в клочки звездно-полосатыми флагами, а также стенды с фотографиями, отражающими историю американских ВВС и данной базы, равно как и историю создания атомной бомбы, ради применения которой объединили свои силы все три рода войск. Стену рядом с выставкой украшала фотография доктора Оппенгеймера, отца атомной бомбы и первого директора Лос-Аламосской национальной лаборатории, в которой проводились ядерные исследования.

В 1953 году доктор Оппенгеймер был отстранен от работы «по соображениям сохранения секретности ядерных устройств», однако истинные причины увольнения состояли в том, что он выступил против создания водородной бомбы и «вообще слишком много знал». На следующий год после отстранения Оппенгеймера от работы, а именно в 1954 г., на атолле Бикини была испытана водородная бомба. Если использовать японскую терминологию, то можно сказать, что Оппенгеймер был объявлен *кокудзоку* – предателем, изменником Родины.

На музейной фотографии – она, похоже, была сделана в минуты славы – у доктора был вид человека умного и уверенного в себе. Герой и предатель, человек, познавший светлые и темные стороны жизни... Я продолжала размышлять об Оппенгеймере, когда мне в глаза бросилась надпись «Countdown to Nagasaki»,⁷ сделанная крупными буквами на большом стенде.

Левую треть белого стенда, похожего на классную доску, занимали фотографии японского архипелага и островов в южной части Тихого океана. В правой части стенда размещались напечатанные мелким шрифтом комментарии. Пробегая глазами текст, я обратила внимание на фотографию под ним. На сделанном в сепии снимке были изображены руины. Получалось, что из правого нижнего угла стенда тянулась вверх извилистая белая дорога, на которой не было ни единого человека...

На карте японского архипелага и южных островов был выделен остроугольный треугольник и проведена красная линия. Я соединила глазами вершины треугольника. Одна из них соответствовала Нагасаки на острове Кюсю. В конце прямой, выходящей от Нагасаки на юг под острым углом, находился остров Тиниан из группы Марианских островов. Третьей точкой, по-видимому, была Окинава. Красная линия показывала маршрут, которым шла «Машина Бока»: самолет с атомной бомбой на борту поднялся с Тиниана в 9 августа 1945 года в 3 часа 49 минут утра (в 2 часа 49 минут по японскому времени), нанес удар по Нагасаки и ушел на Окинаву.

У этого стенда время для меня остановилось.

«Нагасаки: обратный отсчет». Что мы с Кана делали на оружейном заводе в Охаси, когда время начало этот смертельный отсчет?

Я, как обычно, стояла перед мусорным баком, разбирая привезенную со всего завода макулатуру и меня, как обычно, кусали блохи. Кана же была занята

гораздо более тяжелой работой – она боролась с железом на участке металлообработки... На моем рабочем месте не было ни клочка макулатуры. Когда прозвучали слова мастера о том, что он слышал отдаленный рокот летящего бомбардировщика, я стала вглядываться в небо и прислушиваться. Как раз в этот момент бомба отделилась от самолета.

Закрыв глаза, я склонила голову перед фотографией руин, над которой висел пояснительный текст. Это были руины Нагасаки – на другом берегу залива была видна гора Инаса. «По виду результат такой же, как в Хиросиме» – это первое, что доложил Чарльз Суини, командир «Машины Бока», после нанесения удара по Нагасаки. А потом добавил: «Большая часть города мгновенно превратилась в руины. Я на самом деле это вижу, но не верю своим глазам». И этот город был – Нагасаки...

Но фотография – это всего лишь поверхностный образ вещей. Там, за напечатанной на фотобумаге картиной сгоревшего города, были еще и учительница Т., и мои школьные подруги А. и О., и многие другие, кто встретил мгновенную смерть.

Я стояла перед фотографией, не в силах уйти, и вдруг заметила краем глаза какое-то движение. Со стула поднимался человек с таким огромным животом, что нитки на пуговицах его белой рубашки, казалось, вот-вот лопнут. Это был пожилой господин с острым, красноватым на конце носом.

Взглянув на меня, он зашел в маленькую комнатку, которая служила для отдыха персонала, и закрыл за собой дверь.

Наверно, именно его взгляд я и чувствовала. Я посмотрела на стул, на котором он только что сидел. Стул стоял в ряду нескольких других, а перед ними был телевизор. Трое белых мужчин сидели перед телевизором и смотрели черно-белый фильм. Похоже, этот пожилой джентльмен комментировал для них то, что показывали на экране, и теперь зрители почувствовали некоторую неловкость от того, что он так быстро встал и ушел. Мужчины повернулись ко мне. Похоже, они догадались, что я японка, но сделали вид, что ничего не заметили, и снова перевели глаза на экран. Зайдя им за спину, я тоже посмотрела в телевизор. Там шел документальный фильм о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки.

Я уже несколько раз видела этот документальный фильм про грибовидные облака, поднимавшиеся 6 и 9 августа, но впервые смотрела его в самом сердце, в цитадели «Юнайтед стейтс», Соединенных Штатов. Наверное, тот фильм, который я видела, был отредактирован для показа за пределами США. Но мне, как бы то ни было, хотелось понять душу этой страны... На экране мелькали кадры последней операции по перемещению огромной бочки «Джамбо» к основанию башни, установленной на «площадке Тринити». «Джамбо» представляла собой капсулу, подготовленную для испытания плутониевой бомбы. Похоже, ученые были сами не уверены в успехе этих испытаний... Интересно, что бы они делали, если бы испытание закончилось неудачно?

Говорят, что трансурановый элемент плутоний является самым сильным на земле ядом. Если бы испытания

окончились неудачно, то плутоний мог бы разлететься по всей американской территории и причинить огромный вред. Именно на это случай и была предусмотрена огромная защитная капсула. «Джамбо» действительно имел колоссальные размеры: для того, чтобы доставить его на полигон Тринити, использовали специальный трейлер с 64 колесами...

Картинка на экране сменилась: теперь там показывали грибовидное облако, поднимавшееся над Хиросимой. Спины у трех зрителей напряглись. Я тоже воскликнула «О!» - и достаточно громко для того, чтобы они услышали: мне хотелось показать, что я поражена появлением этого облака так же, как и они. Впрочем, почему я должна входить в положение этих людей? Мне и самой движение моей души осталось непонятным. С другой стороны, мне определенно хотелось дать им знать, что в этой комнате находится хибакуся, человек, испытавший такую же атомную бомбардировку.

Вспышки, пробежавшие над Хиросимой, слились в моих глазах в одну сплошную, толстую, сверкающую колонну. Вслед за ними на экране появились кадры совершенно безлюдных кварталов города. Один из зрителей повернулся и испытующе поглядел на меня.

«Да нет, там все было еще серьезней», - сказала я себе.

Похоже, теперь я окончательно стала жертвой бомбардировки. До того, как я вошла в музей, я не создавала себя ни хибакуся, ни японкой; меня больше занимали мысли о том, как вести себя в отношении Цукико, которая уже много

лет жила в Америке. Но начиная с того момента, как пожилой человек встал со стула, я снова начала чувствовать себя и хибакуся, и японкой, начала обращать внимание на поведение этих американцев. Да и то обстоятельство, что все посетители музея, за исключением Цукико и меня, были людьми белой расы, заставляло думать о некоем противостоянии...

Действительно, в музее не было ни темнокожих людей, ни мексиканцев. И не только в музее: все туристы в Лос-Аламосе и на полигоне Тринити были белыми! Конечно, на основании краткой поездки такой вывод делать не стоит, но, судя по тому, что мы находились в глубине страны, местный пейзаж с исключительно белыми фигурами показался мне необычным ...

Я безоговорочно верила в то, что здравый смысл должен подсказывать человечеству необходимость запрещения ядерного оружия. Но взгляд, который бросил на меня пожилой господин, развеял этот миф. Похоже, что мужчины, которые слушали пояснения этого господина, были опьянены сознанием могущества своей страны. Пожилой джентльмен, который казался старше меня, наверное, успел повоевать в 1940-е годы. А прошлое, о котором рассказывала выставка в Атомном музее, зиждилось на славе, завоеванном для страны поколением этих стариков... Я оставила зрителей и повернула за угол. Здесь, в стеклянной витрине, демонстрировалась листовка на японском языке и фотография японского императора в парадном облачении. Как я слышала, в этой листовке содержались намеки на возможность ударов 6 и 9 августа. Я не

смогла заставить себя прочитать этот листок и прошла мимо.

На мгновение у меня мелькнула мысль, что если бы я тогда подобрала эту листовку, то могла бы укрыться глубоко в горах. Но я прожила свою жизнь так, как прожила. Даже если бы я тогда получила самые достоверные предупреждения – сейчас-то что об этом говорить?..

Цукико, которая ушла вперед, вернулась со словами: «Там, в углу, выставлены «Толстяк» и «Малыш»». Информация об этих двух бомбах была представлена и на стенде. «Малыш», сброшенный на Хиросиму, был чуть поменьше и покрашен в ультрамариновый цвет. «Толстяк» был точно такого цвета, как и изображавшая его брошка. Это был цвет яичного желтка, разведенного молоком – в нем белый цвет победил желтый. Вот такую бомбу и сбросили на наши с Кана головы. Она действительно напоминала по форме рыбу. Я положила руку «Толстяку» на живот и под тонким слоем краски почувствовала металлическое тело.

- А сталь, наверное, расплавилась? – обратилась я к Цукико.

- Не знаю, - резко ответила она и со словами «Ты смотри, а я снаружи подожду» вышла из зала.

Я отошла к центру зала, чтобы увидеть две атомные бомбы разом. Две безмолвные стальные глыбы стояли рядом, будто гробы.

В «Атласе по истории изучения мира» я прочитала, что первыми начали освоение штата Нью-Мексико испанцы, это было в конце XVI века, в 1598 году. Нью-Мексико находится у южной оконечности Скалистых гор, гряда которых, обдуваемая солеными тихоокеанскими ветрами, тянется с севера на юг через штаты Монтана, Вайоминг, Юта, Колорадо. Эта территория отошла к Соединенным Штатам после завершения американо-мексиканской войны, а статус штата получила только в 1912 году. Таким образом, Нью-Мексико – это один из самых молодых штатов в материковой части США; он даже младше художницы О'Киф. Путешествуя по городам штата, легко заметить, что среди его жителей много людей мексиканского, испанского и индейского происхождения. Как говорят, белое население штата заметно увеличивается во время фестиваля воздушных шаров, который ежегодно проходит в Альбукерке.

В истории Санта Фе видное место занимает конкиста. В те времена любая неисследованная земля, на которую падал глаз завоевателей, казалась им достойной покорения и подчинения. С 1528 по 1605 годы отряды испанских конкистадоров энергично продвигались с юга на север, покоряя все новые американские территории. Приведу цитату из этой книги:

«Первые испанские экспедиции, предпринятые в самый ранний период, еще в начале XVI века, представляли собой несистематические действия, обусловленные не желанием поселиться на открытых землях, а скорее жаждой двигаться все дальше вглубь материка, захватывая все новые и новые

территории. Нередко это были героические и поистине беспримерные по трудностям путешествия. Пыл искателей подпитывали многочисленные географические мифы: о западном морском пути к странам Востока, о семи городах Сиволы,⁸ о богатой золотом земле Квивира. <...> О последней рассказал участникам экспедиции Коронадо, отправившейся в 1540 году на поиск сокровищ, один из индейцев...»⁹

Одно из поселений, мимо которых проходил отряд Коронадо по пути в Квивира, со временем и превратилась в город Санта Фе. Квивира оказалась призраком, миражом, но и сегодня на картах показывают ее предполагаемое местоположение, помещая Квивиру неподалеку от центра штата Канзас, там, где к западу от Топека нескольких водных потоков сливаются и образуют верхнее течение реки Миссури.

Соблазненные рассказами коренных жителей, многочисленные отряды искателей проходили через Санта Фе на восток и на запад в поисках городов, богатых золотом и другими сокровищами. Один из таких отрядов прошел от Санта Фе до Калифорнийского залива, другой – до Сент-Луиса.

В XVIII веке «предприняли свою экспедицию монахи Эскаланте и Домингес,¹⁰ жаждавшие проложить путь между Нью-Мексико и Калифорнией», однако путешественники «затерялись в песчаных месах Юты (меса – каменистое плоскогорье с отвесными краями, возвышающееся над окрестной равниной) и в осыпающихся ущельях Колорадо». Путь, которым прошли два

монаха, также начинался в Санта Фе и шел вдоль подножий Скалистых гор до Юты. Где-то на плоскогорьях Колорадо экспедиция повернула обратно и вернулась в Санта Фе. Маршрут экспедиции, изображенный на старых картах, представляет собой замкнутую кривую, напоминающую гриб. Цели, которые ставили перед собой участники таких экспедиций, были многочисленны, как человеческие желания, а нередко и иллюзорны, как потуги белых найти призрачные города. Однако для индейцев такие поселения не были призраками: просто для них слова «золотой город» значили не «город, в котором много золота и серебра», а «город, в котором на большом участке краснозема рядами стоят сложенные из этого краснозема крепкие глинобитные дома».

Естественно, индейцы далеко не дружелюбно относились к пришельцам, разорявшим их земли; сильна была в то время и межплеменная рознь. Для прикрытия собственных планов покорители диких земель ставили во главе своих колонн монахов и миссионеров... Почему-то мне привиделась процессия японских уличных музыкантов, проходящая ярким солнечным днем по городской улице. Вот так же, наверное, шли по дикой пустыне участники экспедиции - немного жалкие и комичные, продуваемые всеми возможными ветрами...

Почти все такие экспедиции заканчивались провалами, а то и кровопролитными стычками с окрестными племенами или внутренними распрями.

По иронии судьбы, эти обширные и заброшенные земли, о которых прежде говорили только как о «пустынях, где невозможен расцвет цивилизации белых людей», были освоены благодаря алчности белых завоевателей и крови, пролитой ими в сражениях.

Вот по такой же дороге колонистов въехала в Санта Фе и арендованная машина, в которой находились мы с Цукико. Я заметила, что дома в городе – видимо, для защиты от палящих солнечных лучей – были обмазаны толстым слоем глины – такой же красной, как и окружающая почва. Это был подлинный «золотой город» индейских легенд и мечтаний...

Когда мы проехали через город, пейзаж заметно изменился: местность превратилась в пустыню; среди нее там и сям виднелись отдельные месы, которые доставили столько трудностей отрядам искателей.

- Если интересны туристические достопримечательности, - сказала Цукико, заглянув в путеводитель, - то можно выйти на дорогу № 40, это часть трассы 66, и въехать в Санта Фе через Бирюзовую улицу. Там очень живописный вид!

Наверное, поскольку улица называется Бирюзовой, то через местные горы и скалы проходят слои пород, окрашенные в цвета осеннего неба? Уже только представлять себе такую картину – и то было восхитительно... Но и от пустынной местности, расстилавшейся за окном машины, тоже нельзя было оторвать глаз. Проплывали рыжие прерии,

которые так густо поросли колючками, что напоминали жесткую щетку... Виднелись обширные плато-месы, похожие на горы, вершины которых кто-то ровно срезал огромным, остро заточенным тесаком... По обширному пространству, на котором не было ни телеграфных столбов, ни телевизионных антенн, ни зданий, разливался полный покой.

Дорога продолжала разрезать пустынную местность, очерченную лишь окружностью горизонта. Медленно проплывали назад месы: собранные в группы по три-четыре, они напоминали дорожки из отдельных камней в японском саду. А по сторонам дороги снова и снова возникали группы невысоких плоских холмов... Многие из них были не выше двухэтажного дома, но все равно выглядели, как настоящие месы с крутыми и изрезанными склонами.

У склонов мес, которые только и искажали ровную линию горизонта, плясали тучи пыли. Было видно, что ветер гуляет здесь совершенно свободно.

Эта картина скрыла в моей памяти вид совершенно плоской равнины, который я за день до этого наблюдала с борта самолета.

Когда взлетевший из токийского аэропорта Нарита самолет добрался до западного побережья американского континента и взял курс на Хьюстон, у меня появилось такое чувство, что землю там перепахали чем-то огромным и твердым. Взглянув в окно, я среди бегущих назад облаков увидела горный хребет цвета мокрой стали. На экране

телевизора, который иллюстрировал наш маршрут, показалась надпись «Скалистые горы». Казалось, покрытый пятнами снега горный хребет крепко вцепился в землю, словно корень исполинского дерева...

Самолет затрясло, а когда тряска унялась, то пейзаж, расстилавшийся перед моими глазами, стал совсем иным – теперь это была поросшая травой равнина. Вот эта равнина пшеничного цвета – без городов, без деревень, даже без автозаправочных станций – и представляла собой штат Нью-Мексико. Среди травы поблескивала вода: это был изгиб протекавшей здесь реки, окрашенной в цвет крепкого чая – еще более темный, чем окружающая степь. Рядом с дугой, который делала река, я увидела кипенно-белый водоем.

- Это что, Солт-Лейк, Соленое озеро? – спросила я у соседки по салону. Молодая женщина возвращалась к мужу, который работал в Хьюстоне в японской торговой компании. Она приподнялась и подвинулась к окну:

- По-моему, Соленое озеро побольше будет...

Вдоль потока виднелось еще два-три таких белых водоема... Штат Юта, в котором расположено Большое Соленое озеро, находится недалеко от штата Нью-Мексико, хотя и не граничит с ним, поэтому нет ничего удивительного в том, что и в Нью-Мексико могут быть соляные озера...

С самолета не было видно ни движенья рек, ни блеска воды у корней трав, ни вздымающихся время от времени облаков пыли, и потому весь пейзаж

казался исключительно плоским. И лишь выйдя из самолета и пересев на машину, я обнаружила, что казавшийся плоским мир на самом деле изобилует неожиданными подъемами и спусками.

Особенно поражали воображение невиданные мною дотолы меса. Эти глыбы из красной глины имели удивительную форму. Мало того, что, наверное, ни одно построенное человеком здание не смогло бы превысить меса по высоте. Они были грандиозно, величественно высоки, и имели плоские вершины. Кроме того, подножия этих гор не простирались далеко от них.

Говорят, что Гималаи, Скалистые горы и другие хребты возникли в результате движения земной коры. А если это так, то благодаря каким процессам возникли на земле меса, имеющие форму куличиков из песка?

На японских островах я живу на равнинной территории, которая возвышается над уровнем моря на 5-6 метров. Поэтому для меня любой природный объект с высотой больше той, на которой стою я, кажется если не горой, то возвышенностью, выступом на теле Земли. Как я прочитала потом в комментариях к «Атласу по истории изучения мира», «меса представляет собой плато, образовавшееся в результате эрозии». Иными словами, меса образуется за счет того, что в течение миллионов лет земля разрушается: ветер сметает с нее почву, а дожди и солнце – разрушают ее поверхность.

Сидя в автомобильном кресле, я во все глаза смотрела на мир О'Киф. В самом

деле, почти все виды, которые можно было увидеть из окна машины, присутствовали на ее картинах.

В пейзажах Нью-Мексико, которые писала О'Киф, меня поражали одиночество и женские формы. Насколько я знаю, ее картины, на которых в явном виде изображены человеческие фигуры, можно пересчитать по пальцам одной руки. Однако в цветах, горах и других природных объектах, которые любила писать О'Киф, обязательно проглядывают телесные формы юных девушек или зрелых женщин. Мне кажется, для нее они были предельными проявлениями жизни, к которым она так стремилась.

Розовые песчаные дюны, плавно переходящие друг в друга, словно девичьи груди... Долины и ущелья, напоминающие женские половые органы... А окрашенные в багровый цвет песок и небо – разве они не напоминают пожилую женщину, которая потеряла способность рожать?

Природа отображает человеческое тело, а тело смешивается с природой и получает от нее жизнь благодаря изменчивым формам гор или истекающим нектаром цветам... В этом круговороте где-то затерялся и прах самой О'Киф. Может быть, и она возродится?

Пока я следовала за своими мыслями о художнице, вдали показалась индейская резервация – поселение из двух-трех десятков одноэтажных домиков. Среди хаотично разбросанных строений стоял маленький японский грузовичок – на его борту латиницей было написано

название компании. За ним, у дальнего конца протоптанной через траву дороги, виднелась крыша с маленьким треугольным флажком - казино. Другая тропинка вела к зданию церкви. Мы уже отъехали довольно далеко, а шпиль с крестом все еще был виден на фоне заходящего солнца...

Черный крест, от которого падает тень – это излюбленный мотив произведений О'Киф. Она написала несколько картин с одинаковой композицией: каждую из этих картин занимает большой деревянный крест на фоне просторов Нью-Мексико. Пейзажи изображены в разное время – вечером, на закате и т.п. – но на всех картинах солнце прячется где-то за холстом, а кресты густо закрашены черным. Интересно, о чем думала О'Киф, рисуя между собой и солнцем черные кресты с глубокими тенями?..

Я прикрыла глаза. Висевшее над пустыней солнце чуть покраснело – значит, время ушло вперед еще на одну минуту...

Мы двигались к Лос-Аламосу по крутой горной дороге. С одной ее стороны резко уходил вниз обрыв. Далеко внизу были отчетливо видны месы, которые мы проезжали по пути в Санта Фе. По-видимому, гулявшие по долине ветра вырывали из земли все растения, потому что на крутых склонах мес не было ни единой зеленой травинки. Впрочем, ветер выдувал также и камни с почвой, так что склоны были изъедены дырами и напоминали червивую капусту. При этом все дыры имели одинаковые размеры и были хаотично разбросаны по

поверхности склонов, так что издали казалось, будто эти круглые лунки остались от ударов, которые наносил кулаками какой-то мужчина. Среди лунок там и сям выглядывали серые лики камней. На самом деле эти дыры оставляли после себя камни, выпадавшие после того, как выветривалась окружающая их почва. Выпавшие камни скатывались к подножию склона. Для месы это были уже мертвые камни, оторвавшиеся от своего склона. Они напомнили мне о том, как начинался после войны второй триместр в нашей школе. Среди моих одноклассников погибло 52 человека, поэтому после реорганизации в школе стало на один класс меньше...

Когда оставшиеся в живых собрались на первый урок, то многие парты в нашем классе тоже недосчитались своих хозяек. Учитель, проводивший переключку, называл имя девочки, чья парта сейчас была пуста, и кто-то обязательно отвечал: «Ее нет». А я каждый раз вспоминала лицо и фигуру девочки, чье имя произнес учитель. Было нестерпимо больно представлять себе облик человека, который должен был сидеть на этом месте, но теперь – «Ее нет»... А белые круги пыли, которые расходились от каждой такой парты, усиливали ощущение пустоты...

Месы, с которых скатывались камни, продолжали безмолвно стоять среди воя ветра.

- Интересно, сколько дней здесь удастся продержаться? – обратилась я к Цукико, которая по-прежнему не выпускала руля из рук. Вопрос застал ее врасплох.

- На таком солнцепеке? Мне? Нет уж, увольте!

- Склоны на вид такие теплые, - продолжала я. – Кажется, закрой глаза, устройся на откосе и пребывай в краю вечного блаженства...

Цукико рассмеялась:

- Как человек, работающий на ранчо, могу сказать: рассчитывать на то, что это солнце подарит тебе блаженство, - просто наивно...

С плато, на которое мы поднялись, уже были видны кварталы Лос-Аламоса. Цукико поставила свою взятую напрокат красную машину в центре стоянки, залитой светом с ярко-синего неба. Этот участок был одним из трех, выбранных в 1942 году для Манхэттенского проекта, то есть для создания ядерного оружия. Две другие опорные точки проекта находились в Хэнфорде и Окридже. Произведенный там плутоний и обогащенный уран перевозили в Лос-Аламос, где из них и собирали атомные бомбы. Интересно, что первое здание Лос-Аламосской Национальной лаборатории, занимавшейся ядерными разработками, было позднее разобрано и перенесено через дорогу в один из горных уголков, где его отстроили вновь.

Мы с Цукико зашли в Музей науки. Как и в музее на авиабазе, здесь записали наши фамилии и гражданство. После этого ожидавший нас служитель, указывая на аэрофотоснимок, стал рассказывать о территории, на которой находится Лос-Аламосская Национальная лаборатория. Современное здание лаборатории

находилось на участке, который располагался на вершине скалы, ввевшейся своими корнями в равнину. По цвету оно ничем не отличалось от тех участков Скалистых гор, что я видела с самолета. Они выглядели очень величественно, но, наверное, когда-нибудь люди этой страны покорят и все Скалистые горы. А впервые через этот хребет в 1797-1812 годах прошел английский исследователь Дэвид Томпсон¹¹ (до него по этим горам ходили только индейцы). Иными словами, произошло это спустя почти два века после того, как горы были открыты.

Рассказ гида очень меня тронул. Между тем нам сообщили, что через десять минут начнется демонстрация документального фильма. Вслед за другими посетителями мы вошли в зал и сели в одном из последних рядов. Все зрители здесь тоже были белыми. Фильм, который показывали на большом экране, по содержанию не отличался от того, что мы видели по телевизору в музее – в нем рассказывалось об истории создания атомной бомбы. Снова смотреть такой фильм мне не хотелось, и я просто сидела в темном зале, уставившись в потолок. Опять атомная бомба, опять «Машина Бока»... С меня хватит... Доктор Оппегеймер... Профессор Эйнштейн с нечесаной головой – точно такой же, как на этикетке местного вина... Солдаты, которые выкатывают и грузят атомную бомбу... Все, кого показывали на экране, – все сплошь были герои. Я понимала, откуда идет это высокомерие – все-таки фильм снят победителями – но придиралась к каждой детали, во всем возражала авторам и была с ними не согласна.

В моей больной голове вертелись слова «Миру не нужны ваши ядерные испытания!», которые я прочитала в одной книге.

Через несколько дней после полного окончания боевых действий во Второй мировой войне, 21 августа 1945 года, в Лос-Аламосской Национальной лаборатории произошел один инцидент. Молодой ученый по имени Гарри Даглян¹² работал в лаборатории, когда, как пишет в своей книге «Хибакуся в США» Харуна Микио, «масса плутония неожиданно достигла критической и обожгла тело г-на Дагляна». Ученый умер через пять или шесть недель.

Цукико и я вышли из музея науки. Ближился полдень, над Лос-Аламосом сияло голубое небо. Ветер, или, скорее, легкий бриз играл листьями деревьев. Все вокруг дышало миром... И куда же мы теперь?

- Я хотела бы посмотреть на реку, - сказала я. – По дороге на Санта Фе мы переезжали по мосту реку Рио-Гранде – бегущий поток с красно-рыжей водой. По железной дороге, проложенной вдоль реки, шел товарный поезд из вагонов цвета ржавчины. Это был старомодный товарняк, чем-то напоминавший вереницу крытых кибиток. Течение реки у моста было весьма быстрое – оно сгибало ветки кустов, склонившихся над водой.

Цукико провела пальцем по карте вдоль реки и сказала:

- От этого моста можно подняться вверх по течению.

... В ту ночь я услышала об инциденте на атомной станции в Токай-мура. Уснуть я не смогла, и потому написала длиннейшее письмо Руи:

«Здравствуй, Руи,

Я сейчас нахожусь в гостинице в городе Альбукерке, штат Нью-Мексико, США. Сегодня 1 октября, чуть больше 10 часов вечера, так что в Токио, наверное, уже утро 2 октября. Примерно час назад я вернулась в гостиницу, случайно включила в номере телевизор и узнала об инциденте с превышением критической массы, который произошел в Токай-мура.¹³

Интересно, это серьезный инцидент? Это меня очень волнует. До утра завтрашнего дня, когда я поеду в Тринити, остается еще слишком много времени, я очень беспокоюсь, и потому решала написать тебе письмо.

Когда я рассказала тебе о своем желании поехать в Тринити, то ты спросила: «У тебя что, атомная мания?» А как я могу заполнить ту пустоту, что возникла в этом мире на местах, где были пятьдесят две моих ровесницы? Не найду я пятьдесят два таких места, хоть даже полностью разведу руки и буду обшаривать все вокруг...

После того, как мы выехали из музея науки, я попросила остановить машину у реки Рио-Гранде, на обочине усыпанной мелкими камешками пыльной дороги, и спустилась к воде. Это была проселочная дорога, и машины по ней ходили редко. Когда я двинулась вперед, Цукико сказала, чтобы я не заходила в траву. Первое, на что нужно

обратить внимание, живя в Техасе, - сказала она, - и когда встаешь утром, и когда обувашь ботинки, и когда открываешь крышку стола или ящик на кухне, и когда садишься в машину – это убедиться, что там скорпионов и гремучих змей. Опасности, которые нельзя и представить себе в Японии, здесь – в порядке вещей.

Высохшее русло реки, на котором остановилась машина, находилось между двух потоков. Ниже по течению они, видимо, сливались воедино. Один из потоков был чист и прозрачен, другой был окрашен в красновато-коричневый цвет, как и вода в самой Рио-Гранде.

Я присела на высохшем ложе у чистой реки среди отбеленных течением камней. Выше по течению резвились пять или шесть уток. Похоже, это были дикие утки, родившиеся и выросшие на природе - на гальке каменистого ложа реки я заметила кладку яиц.

Неужели птенцы вылупятся просто так, благодаря теплой гальке и палящему солнцу? Неужели утки не сидят на яйцах? Это же отказ от воспитания потомства! Руи, здесь тоже есть твои пациенты!

Цукико закрыла на ключ дверь арендованной машины, подергала ручку на двери, чтобы убедиться, что она действительно закрыта, и присела со мною рядом.

- А почему тебе захотелось посмотреть на реку? – спросила она меня.

- А помнишь, мы втроем с Кана часто так играли – перебежали по камушкам реку Накасима? – ответила я.

Накасима – это река, протекающая через город Нагасаки.

- Как давно это было... - сказала Цукико.

Рио-Гранде – это в десятки раз более полноводная и бурная река, чем Накасима. И мне просто хотелось сойти с моста и опустить пальцы в ее поток, потрогать реку, текущую через американский континент. Река, даже мутная, всегда дает приятное чувство свежести. Природа тоже: она никогда не бывает кроткой, но и озлобленной не бывает... Если небо не может удержать у себя капли воды, то оно сбрасывает их дождем. Реки текут, куда хотят, и даже когда затапливают города, когда уносят людей, то делают это не по злой или доброй воле. Потоки воды размывают почву и вырывают травы, заливают землю и песок; от них не отгородиться бетонными плотинами и береговыми укреплениями... Удивительно, правда?

В мире людей слишком много целей и договоренностей, которые во что бы то ни стало нужно выполнить. Как бы мне хотелось проводить время, не стремясь ни к каким целям и не требуя никаких наград, как река, которая сама по себе никуда не стремится... Насколько легче бы, наверное, стало на душе!

- А почему ты на полпути ушла из музея? – спросила я Цукико.

- Кондиционер там ужасный, в музее этом... - ответила она.

- Да, душно там невыносимо, - согласилась я.

Цукико немного помолчала и вдруг неожиданно проговорила:

- А я теперь непонятно кто, и не американка, и не японка... Дома, с мужем и детьми, мне все ясно: я в нашей семье единственная японка. А вот там, в музее, я почувствовала себя наполовину американкой и вообще не могла понять, кто я и где я, ведь в Америке уже прожила больше, чем в Японии...

- А гражданство у тебя какое? – спросила я.

- В тот год, когда умерла мама, - ответила Цукико, - я отказалась от японского гражданства.

Стая уток направилась к нам, вытянув клювы, похожие на рожки для обуви. Видимо, они знали, что у людей можно раздобыть еды. Я-то считала, что эти птицы – часть нетронутой, дикой природы, но не тут-то было... Неприятно пораженная их развязностью, я подняла камушек и бросила его в реку. Цукико последовала моему примеру: она взяла камень размером с яйцо и с силой швырнула его в воду. Над водой с шумом взметнулись брызги. Мы громко рассмеялись.

Хотя утки, резвившиеся на реке Рио-Гранде, оказались привычны к людям, сама бурная река продолжала свой вечный и каждый день новый бег из глубин Скалистых гор по красным землям материка. Мне казалось, что эта река очищает душу, позволяя каждому выплеснуть в нее свое беспокойство...

Руи, я хочу рассказать тебе об одном случае, который произошел примерно за неделю до моего отъезда из Японии.

После того, как это случилось, я каждый день в урочный час приглядывалась и прислушивалась к тому, что творилось в моем саду.

Это случилось перед рассветом. Я услышала, как что-то сильно ударило в стеклянную дверь коридора. Такое уже бывало – однажды в нее бился голубь. Но на этот раз, судя по звуку, это было что-то более крупное и тяжелое. Я издала глубокий горловой звук (это никак нельзя было назвать словом), вскочила с постели и выглянула из коридора в сад. В темноте отчетливо виднелась прямоугольная спина какого-то мужчины. Он не убегал, а медленно, не оборачиваясь, уходил. Я посмотрела на часы: было 3:45. Проверив все двери, я вернулась и разбудила сына. Потом у меня зародилось сомнение: а точно ли я видела в предрассветной темноте спину мужчины? Я снова вышла в коридор, стала на то же место и посмотрела в сад - это можно было назвать осмотром места происшествия. В лиловом мареве удалось рассмотреть лишь листья деревьев и гальку, которой был засыпан сад.

- Но я ясно видела его спину. Он был в рубашке навыпуск.

- А ниже? – спросил Кэй.

- Этого я уже не видела. Мне бросилась в глаза только длинная, узкая, костлявая спина.

Я дождалась утра, вышла осматривать сад – и остолбенела. Он оставил после себя одну вещь. Когда я звонила в полицию, меня била дрожь. Весь мир вокруг сжался для меня в одну точку. Меня и сейчас не оставляет такое

чувство, что мы были в шаге от нападения. Он явно хотел учинить насилие. Свидетельством тому – предмет, который он бросил в сад.

Мы решили, что в нашем садике нужно установить сенсор, поставить отпугивающий фонарь и закрывать на ночь ставни.

Руи, этот случай помог понять мне, что я потеряла чувство кризиса, чувство опасности. Я была спокойна, я думала, что наша повседневная мирная жизнь надежно защищена – как видишь, думала безосновательно.

Душными летними вечерами я держала стеклянную дверь в коридоре приоткрытой, чтобы в дом хоть чуть-чуть задувал ветер – и часто забывала закрывать эту дверь на ночь. Между тем опасность все время была рядом. Мы должны сами защищать себя и свою семью – я знала эту истину назубок, и все же...

- Мы не должны позволять, чтобы невинный ребенок пострадал от насилия, - упорно настаивала я. Кэй на это заметил:

- Ну да, мы будем внимательны, примем все меры. Но если те, кто только крушить все умеет, снова в сад полезут, что тогда? Не запретишь же им?

Да, да, согласна. Но все-таки что-то здесь не так... Разве можно быть таким благодушным?

- К тому же, - добавил Кэй, - они могут напасть не только на молодых, но и на вас (так он назвал свою мать).

Такая мысль никогда не приходила даже в самые дальние уголки моего мозга, но я почему-то успокоилась.

Руи, сколько лет назад ты оказалась на борту захваченного самолета?

Если бы тогда кто-нибудь бросился на него, не думая о жизни и смерти, то, наверное, не было бы нужды с ним цацкаться. Он бы убил его или погиб сам... А если речь идет о странах? Спроси их, Руи! Ты ведь всегда много размышляешь – начинаешь с повседневности и доходишь до судеб разных стран и всего мира...»

Я отложила ручку.

Солнце здесь встает поздно - по крайней мере, утром 2 октября было совсем темно. Перед выездом мы должны были позавтракать. Когда я уезжала из Японии, то одна моя знакомая, которая хорошо знает американскую жизнь, предупреждала меня: «Смотри там, ни в Лос-Аламосе, ни в Тринити пирожков с бобовой начинкой тебе не подадут, как у нас на горячих источниках. Запасайся едой и питьем! Там их не достать!» На случай, если в пустыне что-то случится, следовало подготовиться. Пришлось забросить в желудок пирожное, зеленый банан и какое-то желе рубинового цвета, любезно приготовленные администрацией гостиницы. Ради постояльцев, приехавших на фестиваль воздушных шаров, столовая была открыта с пяти часов утра. Я все собрала, закинула на плечи рюкзак и спустилась вниз. Мы планировали выехать из гостиницы в 6:30.

Столовая была забита любителями воздушных шаров. Наверное, гостиницы в Нью-Мексико вообще бывают переполнены только в это время, а в этом году день, когда открывается доступ на Тринити, совпал с днем проведения фестиваля воздушных шаров в Альбукерке... Тринити открывается для посетителей только два раза в году, в первую субботу апреля и в первую субботу октября. И только в это время можно посетить «Граунд зиро», «точку «ноль»» - место первого ядерного взрыва.

Когда мы вернулись в гостиницу после поездки на реку Рио-Гранде, то обнаружили, что стоянка отеля была забита автофургонами, разрисованными яркими воздушными шарами. Казалось, люди со всего мира собрались сюда посоревноваться в том, у кого затейливее украшена машина. В супермаркете я купила альбом «Международная фиеста воздушных шаров в Альбукерке» с фотографиями шаров-участников. Я слышала, что испанское слово «фиеста» означает «святой день», «день, когда поклоняются святым». Все шары имели имена: «Призма», «Паук» и даже энергичное «Go!» - «Вперед!», ярко-красные буквы которого четко выделялись на синем небе. Собравшиеся здесь американцы казались более радостными и общительными, чем те, которых я видела в музее.

Мужчины в гавайских рубашках, из воротников которых выглядывали растущие на груди золотистые волосы; женщины в шортах, такие полные, что у них грудь едва не ложилась на живот – все они радостно приветствовали друг друга и поедали бублики и пирожные.

Впрочем, была среди них и одна женщина, которая спокойно пила кофе из маленькой чашечки. У людей был прекрасный аппетит – наверное, они пытались скрыть свое возбуждение от предстоявшей им поездки в пустыню.

Тарелки, наполненные на шведском столе, быстро пустели. Среди нас ходила девушка с серебряным подносом – она раскладывала по тарелкам фрукты и десерты.

- Ready? – подмигнула мне какая-то женщина с губами, покрашенными вишнево-розовой помадой. – Готовы?

- Yes! – беззаботно ответила я. - Да!

Фиеста уже началась.

Погрузив еду и питье в багажник машины, мы с Цукико, наконец, выехали. На площадке уже не было ни одного фургона с любителями воздушных шаров.

Полигон Тринити находится на окраине Аламогордо, примерно в 190 километрах к юго-востоку от Альбукерке. Когда погасли фонари, рассеивавшие утреннюю дымку, мы выехали на пыльную пустынную равнину. Перед нами до горизонта расстилался огромный круг; слева от дороги, далеко на востоке, начинал посверкивать золотом горный хребет. Утреннее солнце было еще за горами, поверхность которых утопала в густой черной тени. Напротив, с правой стороны дороги, с пиков западных гор временами вспыхивали и выливались на подгорные прерии широкие полосы света. Пока мы ехали, изломы восточных гор становились то выше, то ниже, и солнце

то скрывалось за горами, то снова из-за них выходило. Хребет, что тянулся на западе, тоже погрузился было во тьму, но уже через мгновение трава на его склонах вспыхнула яркими бликами, словно золотоволосая головка младенца.

Наконец, росистая степь пошла волнами, словно туман над рекой, и из-за гор в полной своей красе выкатилось утреннее солнце. С тех пор, как мы выехали из гостиницы, прошло 40 минут, и за это время мы не встретили ни одной машины. Да что там – ни на земле, ни в небе мы не видели ни единого живого существа, не говоря уже о людях.

Около восьми часов утра мы остановились в зоне отдыха на обочине скоростного шоссе, где стоял домик из деревянного бруса. Это было первое строение, которое мы увидели с тех пор, как выехали из гостиницы. В деревянном домике не было ни окон, ни дверей; все, что в нем было из оборудования – это умывальник и туалет. Собственно, единственные стена и дверь внутри домика тоже принадлежали туалету. Возле него, как на часах, стоял индеец.

- Я покурю, можно? – спросила Цукико и подъехала к забетонированной парковке перед домиком, где стояло несколько грузовиков и легковых машин – похоже, они проделали долгий путь. В окно кабины одного из грузовиков высывались ноги в ботинках – это спал водитель. Цукико остановила машину рядом с ним.

Цукико забралась по деревянным сходням на приподнятый над землей пол домика и закурила.

- Вот здесь, - она обернулась ко мне и указала на вывеску, написанную большими красными буквами, - написано «Осторожно - гремучие змеи!»

- Гремучие змеи? – удивленно переспросила я.

- Да, гремучие змеи! Поэтому ходить тут можно только по бетонным дорожкам или по сходам. И собак в прерию выпускать запрещено. «В случае пренебрежения этим предупреждением, - подтвердила Цукико, глядя на то, как я поеживаюсь от утреннего холода, - вся ответственность за возможную опасность, связанную с укусами змей, ложится на вас лично. ОК?»

Я перешла вслед за Цукико по деревянным мосткам и стала лицом к прериям Запада. Отсюда и до самых подножий гор простиралась поросшая травой равнина. И где-то под этой травой притаились змеи, ожидающие, пока добыча подойдет к ним поближе. Зная о том, что людям запрещено сходить с мостков, змеи, наверное, сидят и здесь, в траве, которую видно у моих ног сквозь щели в досках...

Интересно, какие они по форме, какие у них глаза? Blue – голубые? Red - красные? Гремучие змеи – это убийцы, как «Толстяк» и «Малыш», и потому, наверное, обводы у них гладкие. Я попыталась себе представить себе здесь, в прериях Запада, гремучую змею, описанную Стейнбеком в его рассказе «Змея».

Персонаж Стейнбека наблюдает за гремучей змеей, которая охотится за своей добычей: «Смотри! Она изогнулась – значит, готова напасть...

Гремучие змеи – они создания осторожные и, можно так сказать, почти трусливые... Эти твари очень тонко устроены». Кстати, главный герой этого короткого рассказа Стейнбека - серая, вываливающая в пыли змея длиной около пяти футов, которая родилась где-то в Техасе...

Гремучие змеи прекрасно приспособлены к жизни в прерии, которая сейчас начала просыхать под лучами утреннего солнца. Не удивлюсь, если сейчас какая-нибудь пятифутовая тварь разглядывает Цукико или меня. Повстречаться с такой? Спасибо, не надо! Стараясь ступать только по деревянным мосткам и бетонным дорожкам, я вернулась в машину.

Солнечный свет стал резать глаза. Через два часа и сорок минут после выезда пейзаж за окном машины начал понемногу меняться. Собственно, сама степь по-прежнему была похожа на жесткую щетку, но там и сям стали встречаться зеленые растения высотой с ребенка. Наверное, знатоки местности смогли бы определить по виду этих растений наше географическое положение и вычислить, где находится этот секретный полигон Тринити, которого нет ни на одной карте. Я же сначала почувствовала, а потом и убедилась в том, что мы подъезжаем к базе, потому, что вдали появилась стальная башня с огромной параболической антенной.

- Похоже, это здесь... - Цукико сбросила скорость. Впереди, метрах в пятидесяти от нас, стояло пять-шесть легковых машин. Женщина в форме, которая разговаривала с одним из водителей, подняла руку, приказывая нам

остановиться. Постучав в окно машины, она попросила отпустить стекло и сообщила, что полигон Тринити находится в ведении Армии США. Дальше дорога, которая, наверное, тоже находилась в ведении армии, шла вперед через такую же, как прежде, степь. В ограде, сделанной из бревен и колючей проволоки, зиял просвет. Это и были ворота на полигон Тринити.

Служащая посмотрела на нас:

- Двое?

Определив таким образом точное число посетителей, она выдала нам два листочка с напечатанным текстом и добавила:

- Прочитайте и распишитесь!

Это были «Правила пребывания», состоявшие из 13 пунктов:

Ворота открываются в 8 час. 30 мин. утра, закрываются в 14 часов. Каждый посетитель, находящийся на месте испытания «Граунд зиро» и на огороженной территории «Тринити», должен покинуть их даже если он въехал на полигон в 14:00 - в прериях рано темнеет, и дальнейшее пребывание на территории становится опасным...

Словно в предупреждение о грозящей опасности, на въезде висел щит, разъяснявший: «На этом месте заканчивается сфера ответственности штата Нью-Мексико. Далее штат Нью-Мексико за возможные инциденты ответственности не несет».

Я еще раз посмотрела на печатный листок с «Правилами пребывания».

Забор было легко перепрыгнуть, но предупреждения делали это место в десять, нет, в двадцать раз более закрытым, чем хлипкая изгородь:

«★ Запрещаются всякого рода демонстрации, пикеты, сидячие акции и марши протеста, выступления с политическими речами и тому подобные действия.

★ На территории ракетного полигона «Уайт Сандс» запрещается ношение любого рода оружия.

★ Запрещается собирать и выносить с эпицентра взрыва образцы тринитита. Тринитит не только составляет часть национального исторического комплекса «Тринити», но и является радиоактивным, как и произрастающие на полигоне растения.

★ Берегитесь змей! Гремучие змеи встречаются как вблизи места взрыва, так и у закусочной «Макдоналдс ланч хаус».

★ Домашних животных следует оставлять в машине. При этом не забудьте приоткрыть окна, иначе на жаре животные быстро погибнут...»

- и так далее, и тому подобное...

Мы подписали документы, передали их часовому и, наконец, въехали на территорию базы. Дальше машина пошла по длинной и узкой дороге, с обеих сторон огороженной забором. Потом мы снова остановились и при помощи военнослужащего поставили машину на стоянку. Дальше ехать было нельзя: там начинался полигон Тринити.

Термин «тринитит», упомянутый в «Правилах», относился не только к кусочкам стекла,¹⁴ но ко всему, что находится на территории полигона Тринити: камням, траве, цветам, земле, песку...

Собственно полигон Тринити представлял собой небольшой участок пустыни, огороженный трехметровым забором, у центра которого расположена «Граунд зиро», «точка «ноль»», то есть место, где был проведен испытательный взрыв плутониевой бомбы. На месте самого взрыва стоял «национальный исторический памятный знак» - каменный обелиск высотой около трех метров.

В общем, получалось так, что все, что находится на территории полигона Тринити, включая пыль на подошвах ботинок его посетителей, представляло собой особую общедоступную государственную тайну...

За забором открывался поросший травой участок, на котором мог бы разместиться 6-7 полей для бейсбола. Вероятно, эта территория и ее окрестности использовались как полигон для испытания ракет. Я как-то не задумывалась о том, что Уайт Сандс, который был изображен на туристических фотографиях, и полигон для испытания ракет «Уайт Сандс» - это одно и то же место, но потом прочитала, что «отсюда по состоянию на сегодняшний день произведено более 42000 пусков ракет». К тому же один из информационных щитов нес призыв «быть особо внимательным и проявлять благоразумие в связи с тем, что в земле на территории полигона могут

находиться взрывчатые вещества и боеприпасы». В буклете, озаглавленном «Полигон Тринити: 1945-1995 гг.», достаточно подробно рассказывалось также и о других опасностях: «На огражденной территории уровень радиации является достаточно низким; так, суммарная доза радиации, которую можно получить за время часовой экскурсии, составляет от 0,5 до 1 миллирентгена. Взрослый американец в течение года в среднем получает около 90 миллирентген... Для сравнения: по данным министерства энергетики США, ежегодно мы получаем от 35 до 50 миллирентген солнечной радиации, а еще 30-35 миллирентген попадает к нам с пищей... Решение об осмотре принимаете вы».

Таким образом, если человек будет находиться «за оградой» один час, то его организм получит от 0,5 до 1 миллирентгена радиации. Не такой уж и низкий уровень радиоактивности наблюдается на полигоне Тринити, если взрослый американец получает 90 миллирентген, но за год...

Мы вышли из машины и прошли за забор, держа в руках бутылки с минеральной водой – их нам взять разрешили. Всего посетителей было около 200 человек. Многие приехали с семьями: мне бросились в глаза фигуры родителей, которые вели за руки детей. Думали ли они о колючках, что росли в пустыне, и о низкорослой радиоактивной траве у себя под ногами? Во всяком случае, все они двигались молча, опустив головы. Вообще единственное, что двигалось по этой пустыне, были люди, пришедшие на полигон Тринити. Наверное, в этих пустынных местах без единого дерева даже птицы не выют свои гнезда...

Я напрягла слух, пытаюсь уловить в безмолвии пустыни хоть какие-то звуки. Я хотела услышать негромкие, но мощные звуки, которые испускают семена травы, трескающиеся на горячем солнце. Пусть это даже будет шорох песка, который производит муравей, скатывающийся в свой муравьиный ад. Я хотела услышать звук, который производит живое существо...

Я двинулась к «точке «ноль»». Дошла до кольца посетителей, окружавших каменную стелу, и остановилась. Подняла голову и посмотрела по сторонам. Вокруг простиралась бескрайняя, беспредельная пустыня, в которой не найти укромного уголка. Над поверхностью земли возвышались лишь фигуры людей и забор, окружавший полигон Тринити, да вдали смыкалась с горизонтом гряда красных гор. И в центре всего, прямо перед моими глазами, в «точке «ноль»», стоял обелиск.

Пятьдесят с лишним лет тому назад, в июле, от этой точки побежала по пустыне во все четыре стороны вспышка света – взорвалась атомная бомба. Говорят, что в тот день с самого утра шел редкий для штата Нью-Мексико проливной дождь. Но испытания начались, несмотря на ливень. Вспышка испарила своим жаром падавший дождь, превратив его в белую пену, пробежала по пустыне, опалила беззащитные горы и ушла в своем танце высоко в небо. А затем пришла тишина. Все живое в пустыне умолкло даже прежде того, как почувствовало ядерный удар.

Из глубин земли, от далекой цепи красных гор, от бурой пустыни побежали

ко мне беззвучные волны. Я съежилась. Какое же пекло здесь было!..

Пока я не оказалась на полигоне Тринити, я думала, что первыми жертвами ядерного оружия на земле стали мы, люди. Но это не так. Первые хибакуса были здесь. Здесь, только они не могли ни кричать, ни плакать.

У меня из глаз полились слезы.

До сих пор в глубине души я остро ощущала себя жертвой атомной бомбардировки. Но когда вслед за служащим я вышла на узкую, огороженную забором тропинку, то это чувство куда-то исчезло. Похоже, двигаясь к «точке «ноль»», я снова стала четырнадцатилетней девочкой, на которую еще не упала бомба. Направляясь к незнакомому месту под названием «граунд зиро», «точка «ноль»», я вернулась в то время, когда мне еще только предстояло пережить 9 августа. И именно здесь, стоя перед обелиском, я по-настоящему, доподлинно стала хибакуса.

Вспоминая минувшее, я вижу, что тогда, 9 августа, не проронила ни слезинки. Когда я бежала прочь в толпе людей с искореженными руками, ногами, лицами – слез у меня не было... В выжженной пустыне Ураками образовалась людская цепь – словно муравьи вереницей шли по дороге в середине лета. Здесь собрались люди, которые еще могли ходить. Они шли за помощью. Шли к единственному врачу, который сидел на разбитом камне с перевязанной головой. Город Нагасаки превратился в щебень и теперь просматривался до самого моря. Тогда там тоже над поверхностью земли возвышались лишь фигуры людей.

Увидев эту картину, плавающую в ослепительном свете, я побежала оттуда что было сил.

Через три дня меня пришла искать мать. От того места, куда они были эвакуированы, она прошла семь рй, 28 километров. Всю дорогу она рассказывала студентам, направленным на помощь в Ураками, о том, где я работала, и просила: «Если найдете тоненькие косточки, соберите их. Это она, моя доченька...»

Обнаружив, что я не пострадала, мать крепко прижала меня к груди и зарыдала, без конца повторяя «Жива! Жива!». Но даже тогда я не проронила ни слезинки. Наверное, сейчас из меня впервые вытекали все те слезы, которые я не выплакала с 9 августа. Я стояла на огромной безмолвной земле и дрожала от ее боли. Каждый день жизни вплоть до сегодняшнего дня мою душу и мое тело тоже терзали невыносимые боли. Но это, наверное, были поверхностные и побочные боли, идущие от девятого числа. Я уже было запомнила, что я – хибакуся, но сейчас, среди этой огромной, по-прежнему молчащей земли, я увидела тот пейзаж, от которого бежала и который годами прятала в глубине своей души. Я увидела себя в тот день, который решил все.

Внезапно я увидела со спины пожилого человека, который двигался к обелиску. Он отделился от группы и шел один. Сколько ему – 72? 73? Высокий, плотного телосложения – наверное, военный, уволенный в запас по ранению. Вероятно, у него что-то с глазами – недаром носит темные очки. С другой стороны, ходит без сопровождающих. Видимо, пока может сам ходить, решил

принять участие в автобусной экскурсии на «Граунд зиро». Меня привлекла фигура старика, выражавшая глубокую печаль. Интересно, как он прожил первую половину своей жизни? Судя по тому, что мужчина приехал на полигон Тринити, он, наверное, воевал во Вторую мировую войну, как тот старик в музее или как муж Цукико.

Старик, глубоко погружая в землю полигона Тринити конец своей трости, подошел к кольцу людей, окружавших обелиск, и остановился. Он оперся обеими руками на набалдашник и с большого расстояния долго рассматривал монумент.

Мимо старика пробежали трое или четверо маленьких детей в маскировочной форме. Рядом еще один мальчик забавлялся тем, что бросал в небо красную пластмассовую «летающую тарелку».

Здесь же, за забором, был выставлен «Толстяк». Еще вчера он был на авиабазе, в Атомном музее, но ночью его перевезли сюда. Это был родной брат того плутониевого «Толстяка», которого взорвали здесь во время испытаний. Два раза в год он приезжает к себе домой...

Оказывается, мы с Цукико уже некоторое время ходили, взявшись за руки – я только сейчас это поняла. В траве мы заметили пару-тройку цветов с пятью лепестками – они очень напоминали цветы дикой айвы, которая у нас в Японии растет на пустошах. Кое-где еще цвели восковые желтые цветы. Мы с Цукико присели на корточки, чтобы посмотреть на эти стелящиеся желтые цветочки.

- Как ты думаешь, Кана жива? – прошептала Цукико.

- Да наверняка, - ответила я.

Осмотрев кратер, образовавшийся на месте испытательного взрыва, мы с Цукико направились к выходу (он же вход), возле которого толпилось множество людей. При входе я не обратила на это внимание, но, оказывается, здесь еще стоял деревянный стол. На нем были разложены обломки измерительных приборов, которые использовались во время взрыва, будильники, какие-то металлические детали. Женщина-служашая поднесла к будильнику счетчик Гейгера. Стрелка счетчика сильно отклонилась в сторону, прибор затрещал.

Некоторые из этих приборов использовались еще в тот дождливый день, во время испытаний. «Посмотрите, они до сих пор радиоактивны», - сказала служашая, указывая на стрелку. Звук от счетчика шел волнами: то усиливался, а то становился слабее. «О!» - впечатленные не ослабшей за полвека мощностью, американцы покачали головами. Мы с Цукико тоже покачали головами: «Да, это что-то...»

У служашей был такой вид, словно она хотела сказать нам: «Ну как? Впечатляет?». Меня, конечно, это зрелище впечатляло, но одновременно мне захотелось подшутить над людьми, обступившими этот стол: взять и приложить счетчик Гейгера к себе. Представляю, как все удивятся, когда он закаркает, как ворона!

Говорят, что время жизни остаточной радиоактивности в какой-то степени зависит от свойств радиоактивных материалов, выброшенных на поверхность земли, но в целом эта радиоактивность носит, можно сказать, полупостоянный характер. Мои японские знакомые, живущие во Франции, рассказывали, что даже сейчас, когда они заходят в лабораторию госпожи Кюри, счетчик Гейгера начинает щелкать...

Рядом с ржавыми инструментами в стеклянном ящике лежало нечто, напоминающее камешек. Точнее, на первый взгляд это действительно был круглый камешек диаметром около одного сантиметра, совершенно серый, и только присмотревшись, можно было увидеть, что он состоит из смешавшихся воедино белых, коричневых, зеленых и красных песчинок. Служашая, указывая на невзрачный камешек, начала объяснять:

- Данный круглый камешек образовался из песка и пыли, поднятых в воздух с этой территории во время испытательного взрыва атомной бомбы. Под действием высокой температуры он расплавился, стал круглым, а потом затвердел. Мы называем такие камешки жемчужинами...

Удивительно, но камешек действительно имел форму идеального шара.

Как написал в свое время один из членов экипажа «Машины Бока», которая нанесла удар по Нагасаки, «над землей в Нагасаки наблюдалось нечто еще более поразительное, чем после испытаний в пустыне Аламогордо, штат Нью-Мексико». Интересно, а люди,

которые расплавились от высокой температуры, они тоже превратились в шарики и танцевали потом в небе?.. Говорят, что кости у детей розовые и блестящие... Надеюсь, что и кости друзей, которых я потеряла, тоже превратились в прекрасные розовые жемчужины...

У стола, на котором была выставлена «жемчужина», местные журналисты готовились к интервью. Рядом в окружении множества людей стояли двое японцев, хибакуса из Хиросимы – именно у них и собирались его брать. Под взглядами американцев двое мужчин в футболках чувствовали себя очень напряженно.

Они стояли прямо, высоко подняв головы и глядя прямо перед собой.

Той ночью я снова написала Руи письмо и приложила к нему такое стихотворение:

*«Спустя секунду после взрыва
плутониевой бомбы
Я видела огромный шар огня
Радиусом 340 метров
С температурой 1000000° С в центре его
и 7000° – на поверхности.
Он послал ударную волну со скоростью
250 метров в секунду,
Он выплеснул радиацию и тепловые
лучи с температурой 300000°.
И солнце, температура поверхности
которого - 6000°,
Утратило слепящий блеск свой
И с неба рухнуло, огромное и красное.*

*Тот свет, и облако, и реку трупов –
Последний крик отца, ребенка, мамы –*

*Рев огненного моря, что вперед несется
–
Стон ночи над опустошенными полями –
И каждого из тех десятков тысяч, что
испустили здесь последний вздох –
Вы это всё запомнили, Ксаверий и
апостолы, стоящие над храмом в
Ураками...¹⁵*

*Отец, и мама, братья и друзья!
Сейчас вы все – в стране далекой
Парадизо,
В раю, где изобилье света и воды.
Мы, выжившие, тоже вдаль уйдем.
Пока ж... Как жирные бродячие коты
вразвалку ходят,
Так и люди – трясут большими животами
и вопиют:
«Куда же нам идти?
О, где то место?..»*

*Сегодня хватит пары водородных бомб,
Чтоб облака поднять и дымом Землю
затянуть навеки.*

*Лишь ядерной зимой накроет глобус,
Как всё живое смерть свою найдет – так
говорят.*

*Вот до чего история дошла,
Пройдя сквозь Хиросиму с Нагасаки...
А если мир свою погибель встретит,
Что вы увидите в тот миг,
Ксаверий и апостолы, взлетая над
пепелищем храма в Ураками?*

*В сороковое лето после Бомбы
Написала Ито Ясуко»*

В день бомбардировки автор этого стихотворения была ученицей второго класса высшей ступени женской средней школы N, а ее старшая сестра училась в нашей школе на класс старше меня. Она умерла в 42 года.

«Миру не нужны ваши ядерные
испытания!»

Как ты думаешь, Руи?

*(Опубликовано в сентябрьском номере
журнала «Гундзо» за 2000 г.)*

От автора – читателю

Хочу, чтобы поняли...

Хаяси Кёко

После 9 августа 1945 года я прожила долгую жизнь. Я хорошо понимаю, что жить мне осталось недолго. Но столь же ясно я вижу и минувшие дни, что каждое мгновение длинной, непрерывной чередой уходит от нас в прошлое. Иногда эти картины освещены ярким прожектором, иногда окутаны теплым светом, который словно пробивается сквозь весеннюю дымку. В этом свете стою я – порой совсем маленькая девочка, а иногда – школьница, с ног до головы засыпанная радиоактивной пылью.

Слово «опыт», упомянутое в названии этой книги, относится и к моему личному опыту человека, продолжающего свою жизнь после атомной бомбардировки Нагасаки, и к тому долгому пути, который проделали все хибакуся.

Когда мне предложили включить эту книгу в библиотечную серию, я, прежде всего, несказанно удивилась. Я действительно хотела, чтобы эту книгу прочитали многие, но в особенности – молодые люди, которые сейчас только начинают свою жизнь. Почему? Потому что те 60 лет, которые прожили после бомбардировок жертвы Хиросимы и Нагасаки, - это время всеобщих человеческих проблем.

Когда девятого числа я бежала на холм Ураками с оружейного завода, на который мы, школьницы, были мобилизованы; когда я видела полностью израненных и обожженных

людей, которые валялись на полях, на земле, - я была рада уже тому, что выжила. Выжила – и больше ничего не надо. Я, девочка, сложив ладошки, всерьез благодарила за это богов.

Но 9 августа на этом не закончилось. Шестого числа в Хиросиме, а девятого в Нагасаки в телах людей обосновалась радиоактивность. Попавшие в организм радиоактивные вещества (даже если было их совсем немного) проникали в кости и в ткани, где продолжали излучать радиацию, и за длительное время наносили человеку большой ущерб. Это стало ясно, в том числе, и благодаря исследованиям ученых. А подтверждали полученные данные выжившие жертвы атомной бомбардировки – хибакуся. Люди, пережившие 6 августа в Хиросиме и 9 августа в Нагасаки, в один голос свидетельствовали, что там творился подлинный ад на земле. Но проблема оказалась в том, что ад на этом не закончился. Я хочу, чтобы вы знали, как это было на самом деле.

Таким образом, хибакуся стали морскими свинками в опытах с ядерным оружием. Впрочем, если жизнь хибакуся пойдет на пользу людям, то я готова довольствоваться трудной судьбой морской свинки...

Что касается книги «От Тринити до Тринити», то она берет свое начало в том месте, которое стало исходной точкой для 6 и 9 августа, для отношений человека с ядерным оружием.

Тринити находится в штате Нью-Мексико, США, в 190 км пути на машине от Альбукерке, самого большого города штата. По обеим сторонам связывающей

их дороги тянется пустыня с красной землей. На земле нет ни травинки, ни чего-то похожего на траву, вообще ничего живого. Лишь кое-где растут кактусы с ужасающими колючками, но нет ни следа ни людей, ни их жилищ.

Наверное, о таких местах нужно говорить – первобытные. Именно здесь по благословению дикой природы возник полигон Тринити – обширная пустынная территория, огороженная зеленой металлической сеткой. На этом месте 16 июля 1945 года был проведен первый на земном шаре экспериментальный ядерный взрыв, здесь находится «Граунд зиро», эпицентр этого взрыва. Здесь была испытана плутониевая бомба – точно такая же, какую потом сбросили на Нагасаки.

А на месте того взрыва был воздвигнут трехметровый каменный обелиск... Сверкает высоко над головой солнце, его прямые палящие лучи обжигают кожу. Ни в небе, ни на земле нет ни

¹ *Примечания переводчика.* - Согласно традиционному японскому летоисчислению по девизам и годам правления императоров, период Тайсё соответствует 1912-1926 гг., период Сёва - 1926-1989 гг.

² Некоторые детали этого паломничества описаны в первой части книги – «Человек с большим жизненным опытом».

³ «Машина Бока» (Bock's car) - название бомбардировщика Б-29 ВВС США, с которого была сброшена атомная бомба на Нагасаки. Название связывают с именем командира постоянного экипажа этой машины капитана Фредерика Бока. 9 августа 1945 г. самолет пилотировал другой экипаж во главе с майором Чарльзом Суини.

⁴ Джорджия О'Киф (Georgia Totto O'Keeffe, 1887-1986) – американская художница.

клочка тени. Я застыла, пораженная. Над всей уходящей до горизонта пустыней нет ни ветерка. Нет и травы, которая могла бы шуршать на ветру. Не слышно стрекота насекомых. Безмолвная пустыня есть часть природы, но природа не может быть настолько неестественно застывшей. Просто с того дня, когда пустыню залила вспышка света от атомного взрыва, земля хранит молчание, не допуская к себе даже царственных гремучих змей. Просто землю охватила болезнь.

Дающая всему живому жизнь земля - больна...

Я поняла, что именно мать-земля стала первой хибакуся, первой жертвой атомной бомбардировки. И хочу, чтобы вы тоже это поняли...

Перевод с японского Евгения Кручины (2010)

⁵ Толстяк (англ.)

⁶ Военно-воздушных сил США (англ.)

⁷ Нагасаки: обратный отсчет (англ.).

⁸ Сивола - мифическая страна с семью изобилующими золотом городами, слухи о существовании которой в начале XVI века будоражили умы испанцев.

⁹ Франциско Васкес де Коронадо (Francisco Vázquez de Coronado, 1510–1554) - испанский конкистадор, который в 1540-1542 году организовал экспедицию из испанской Мексики в поисках мифических сокровищ страны Квивира, расположенной «где-то на северо-западе». Коронадо стал первым европейцем, ступившим на территории, которые теперь относятся к штату Нью-Мексико и другим юго-западным штатам США.

¹⁰ Экспедиция, которую возглавляли францисканские монахи и миссионеры Силвестро Велес де Эскаланте (Silvestre Vélez de Escalante) и Франциско Анастасио Домингес (Francisco Atanasio Domínguez), была предпринята в 1776 году.

¹¹ Дэвид Томпсон (David Thompson, 1770-1857) - англо-канадский исследователь, торговец мехами и картограф. Нанес на карты около 4 млн. кв. км территорий Северной Америки.

¹² Гарри Даглян (Harry K. Daghlian, 1921-1945) – американский физик армянского происхождения, участник работ по Манхэттенскому проекту. Случайно облучился во время эксперимента по изучению критических масс плутония, который проходил 21 августа 1945 г. на площадке «Омега», удаленной от основных зданий Лос-Аламоссской лаборатории. Ученый умер через 28 дней после случившегося.

¹³ Токай-мура, Токай – поселок в префектуре Ибараки в 120 км к северу от Токио, местоположение Японского научно-исследовательского института атомной энергии.

Инцидент в Токай-мура, связанный с превышением критической массы при подготовке ядерного топлива, произошел 30 сентября 1999 г. Это был самый крупный инцидент такого рода в Японии.

¹⁴ Взрыв 16 июля 1945 г. оставил после себя кратер, покрытый светло-зеленым радиоактивным стеклом (так называемым тринититом) – в этом месте под действием чудовищной температуры расплавился песок. В 1952 году большую часть этого стекла захоронили, но его кусочки находят на территории полигона до сих пор.

¹⁵ Ксаверий – Франциско Ксавье (Francisco Javier, 1506-1552) - христианский миссионер и сооснователь Общества Иисуса (ордена Иезуитов), в 1549-1551 проповедовал в Японии. Скульптурное изображение св. Ксаверия возвышалось над храмом в Ураками – богато украшенным католическим собором, оказавшимся в 500 м от эпицентра взрыва атомной бомбы, сброшенной на Нагасаки.